

Александр Верховский, директор информационно-аналитического центра "Сова"

Современное дискурсивное противостояние русских националистов и федеральных властей

2000-е годы во многом проходят в России под знаком все более интенсивной полемики по тем социальным проблемам, которые могут быть интерпретированы как этнические (и уж тогда они в сегодняшней России обязательно интерпретируются именно таким образом). Но прежде чем перейти к собственно рассмотрению дискурсивных практик, нужно сказать несколько слов о том политическом фоне, на котором они разворачиваются.

Прошедшее десятилетие началось резким подъемом массовой этно-ксенофобии[1], причем достигнутый в 2000 году уровень с тех пор практически не менялся. В первые годы десятилетия тема расистского насилия вошла в сферу общественного внимания из-за серии погромов на рынках. И одновременно на уровне радикально-националистических групп и в масс-медиа в качестве главной темы была осознана тема миграции (как иммиграции, так и внутренней миграции «не славян») [2]. Немедленно вслед за этим соответствующая риторика была подхвачена ЛДПР Владимир Жириновского, а затем – парламентским блоком «Родина». С тех пор антимигрантская тематика и этнонационалистическая политическая мобилизация сделали заметные успехи, несмотря на достаточно жесткие ограничения сверху. Все десятилетие прошло под флагом конкуренции двух основных течений в русском национализме – «имперского» и этнонационалистического, и сейчас второе демонстрирует явно большую динамичность и успехи [3].

Основные сюжеты были за эти годы обкатаны практически до автоматизма, и постепенно свелись к началу нового десятилетия ровно к двум риторически взаимосвязанным темам – «этнобандитизму» и «проблеме Кавказа», причем последняя понималась не столько как проблема Северного Кавказа как региона, сколько как проблема выходцев с Кавказа в других частях России. Националистическая оппозиция все настойчивее в последние годы добавляла к этим темам резкую критику властей – как коррумпированных, антинародных или даже антирусских и служащих «иногородцам» [4]

Основные сюжеты были за эти годы обкатаны практически до автоматизма, и постепенно свелись к началу нового десятилетия ровно к двум риторически взаимосвязанным темам – «этнобандитизму» и «проблеме Кавказа», причем последняя понималась не столько как проблема Северного Кавказа как региона, сколько как проблема выходцев с Кавказа в других частях России. Националистическая оппозиция все настойчивее в последние годы добавляла к этим темам резкую критику властей – как коррумпированных, антинародных или даже антирусских и служащих «иногородцам» [4].

Трудно сказать, сужали ли националисты тематику своих выступлений, идя навстречу интуитивно ощущаемым настроениям общества в целом, или эти настроения формировались в значительной степени агитацией националистов, но несомненно, что в начале 2010-х годов мы видим, что массовые настроения представляют собой лишь более

аморфную копию агитации русских этно-националистов. Мы видим очень высокий уровень массовой этно-ксенофобии, особенно среди молодежи и особенно в обеих столицах, что политически очень значимо. Причем, если поддержка политических лозунгов сравнительно стабильна, то само по себе ощущение этнической враждебности – своей к другим или других к себе – заметно выросло в 2010-2011 годах (до исключительного уровня 2004 года) [5]. Враждебность фокусируется на выходцах с Северного Кавказа и «нелегальных мигрантах из стран СНГ», т.е. из Закавказья и Средней Азии [6] (но кавказофобия начинает перевешивать мигрантофобию, особенно в молодежной среде [7]). Важно и то, что именно называется как основные раздражающие факторы. Половина опрошенных причин своей неприязни, как правило, назвать не может, а из остальных лишь меньшинство указывает на такие причины, как угроза терроризма или конкуренция, большинство же говорит о различии в нормах поведениях, о «неуважении к обычаям» и т.п. [8] Еще более определенно высказались некие эксперты, привлеченные агентством «Политех» для исследования в нескольких регионах: опрос экспертов выявил корреляцию отношения к этнической группе фактически только с особенностями ее поведения [9]. Фокусировка на «культурном различии» подразумевает нерешаемость «проблемы инородцев»: фактически, говорится, что либо «они» станут вести себя, как «мы» (на чем основана много обсуждавшаяся в 2010-11 гг. идея «кодекса москвича» [10]), либо «они» должны уехать.

Однако есть реальная проблема, которая и в самом деле представляется настолько запущенной, что есть серьезные сомнения, что она может быть разрешена – это проблема Северного Кавказа. Дело не только в тех проблемах, о которых чаще всего говорят, – терроризме, подъеме радикального исламизма, чрезмерном уровне криминализации и коррупции, высочайшей безработице. Регион, похоже, не только не сближается с остальным российским обществом по своему социальному устройству, но отдаляется от него. Он и управляется, особенно в Дагестане и в Чечне, настолько специфически, что трудно представить, что это – часть той же страны, эти республики больше похожи на проблемные колонии. И совершенно не похоже, чтобы политика федеральных властей была достаточна, чтобы переломить этот тренд дезинтеграции региона. Большинство граждан, естественно, не думают в терминах интеграции, они обеспокоены, как сказано выше, терроризмом и «плохим поведением» выходцев с Кавказа за его пределами. Дошло до того, что в упомянутом опросе агентства «Политех» 26% опрошенных молодых людей высказались за отделение Кавказа от России, даже будучи явно предупреждены интервьюером, что это может привести к распаду России. 14% не определившихся мотивировали свою позицию чаще всего тем, что отделение территории не поможет, так как выходцы с Кавказа все равно останутся в России [11]. Опрос «Левада-центра» на ту же тему, но применительно только к Чечне и проводимый без возрастного ограничения, дал сходные результаты: 11% считают Чечню и так отделившейся, 23% были бы рады отделить, а 28% это скорее все равно [12].

Среди русских националистов тема отделения Северного Кавказа обсуждается давно и преимущественно сочувственно. Но на уровне лидеров эта идея осознается как очень проблематичная в реализации и потому не пользуется широкой поддержкой. Вместо идеи отделения был выдвинут практически единодушно поддержанный в их среде лозунг «Хватит кормить Кавказ!», означающий требование прекратить прямую и косвенную поддержку региона из федерального бюджета [13]. Этот лозунг широко используется в надежде достучаться, наконец, до умов обычных ксенофобно настроенных граждан, которые сейчас в массе своей совершенно не поддерживают движение националистов; и пока – тщетно, судя по посещаемости соответствующих митингов.

Довольно широкий коллектив авторов подготовил также специальную брошюру-доклад «Кавказ-2011: русский взгляд» [14], выдержанную в достаточно умеренном тоне. Впрочем, «для своих» лозунг может быть трансформирован в «Кавказ будут голодать!», как автору довелось услышать на митинге националистов 11 июня 2011 г. Собственно вариант отделения Кавказа рассматривается авторами доклада как запасной – на случай, если не удастся принудить регион к ассимиляции.

Против отделения выступили также основные лидеры движения «Русские», созданного в мае 2011 года на базе Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ), «Славянской силы» (бывший «Славянский союз», переименован в связи с запретом), «Национал-социалистической инициативы» и других организаций помельче. Эти лидеры даже посетили в июле 2011 года Чечню с официальным визитом, где были приняты главой республики Рамзаном Кадыровым. Обе стороны переговоров, несомненно, рассматривали их как успех в деле закрепления своей роли «этнических вождей», что для них чрезвычайно важно. Александр Белов и Дмитрий Демушкин говорили после поездки, что они восхищены тем, как Кадыров управляет республикой, а отделение региона не может решить имеющихся проблем [15].

Власти в течение 2000-х годов по-разному реагировали на активность националистов и на все более настойчивый поворот общественного мнения в сторону острой проблематизации этнической тематики. В 2003-2006 гг. проводился эксперимент с блоком «Родина», который призван был подконтрольно аккумулировать ксенофобные настроения и значительную часть националистической активности. Эксперимент явным образом провалился и был свернут. Позже, в 2007-2009 гг. он был в меньшем масштабе повторен с прокремлевскими молодежными движениями, которые копировали риторику и отчасти практику ДПНИ и других публично действующих этно-националистов. Одновременно предпринимались усилия по разделению радикальных националистов на более и менее радикальных. Но и эти эксперименты были прекращены во второй половине 2009 года именно потому, что удерживать ультраправую стихию под контролем не удавалось [16]. Одновременно с середины десятилетия начала понемногу разворачиваться реальная борьба с расистским насилием, достигшая (вероятно) пика в 2010 году, когда 320 человек были осуждены за такие преступления [17].

И все это время официальный дискурс складывался из двух компонент. Первая – противодействие экстремизму. Этот дискурс защиты власти и подавления политических оппонентов любого рода тесно связан с соответствующим законодательством и его весьма проблематичным применением [18], что не является темой данной статьи. Вторая компонента – разрешение «межнациональных конфликтов», была унаследована еще с советских времен [19]. Помимо неудачного использования слова «нация», обозначающего в советском и современном российском политическом языке этническое сообщество, здесь важна сама идея конфликта, который подразумевает некие этнически организованные стороны. Ситуация нападения десятка идейных расистов на одного или двоих прохожих резко повышается, таким образом, в статусе и имплицитно предполагает необходимость переговоров между соответствующими «этническими сторонами». Такие переговоры часто назывались и называются в общественных дискуссиях как способ решения проблемы, и даже реально происходили в виде встреч руководства так называемых «этнических диаспор» и лидеров русских этно-националистических организаций (крайний случай – официальные переговоры властей Кыргызстана с неонацистской организацией «Славянский союз» [20]).

Если основной темой этно-националистической пропаганды последние десять лет остается тема «засилья мигрантов», резонно было бы ожидать, что в этой сфере власть что-то ответит на столь настойчивую критику. Основным ответом власти, кроме эпизодических разъяснений экономической необходимости иммиграции и заклинаний о соблюдении законности, стала политика регионального квотирования трудовой миграции. Ее полная оторванность от экономической реальности выдавала именно пропагандистский характер этой меры (коррупционные выгоды от квотирования доставались все-таки скорее чиновникам местного и регионального, а не федерального уровня).

Другой важнейшей темой этно-националистов является «этнобандитизм», то есть якобы особая криминальная активность этнических меньшинств, и здесь следовало бы ждать ответа со стороны правоохранительных органов. В полиции не существует официальной статистики, учитывающей этничность преступников, поэтому дать такой ответ непросто. Есть статистика по гражданству, и она в целом играет против этнонационалистов: 3-4% выявленных преступников – неграждане [21], что примерно соответствует их количеству в стране [22], но эта статистика очень редко упоминается. Зато время от времени можно даже от самых высокопоставленных руководителей правоохранительных органов услышать, что именно мигранты провоцируют ухудшение криминогенной ситуации. Правда, здесь существенный вклад вносят журналисты, передающие высказывания и особенно статистические данные таким образом, чтобы создать максимально тревожное впечатление (основная ошибка, намеренная или нет, заключается в смешении данных об иммигрантах и о «не местных» среди преступников) [23]. В сущности, таких выступлений со стороны чиновников не так уж и много, но тиражируются именно они, поэтому можно предположить, что такие высказывания соответствуют ожиданиям большинства пишущих на эти темы журналистов. Но, возможно, дело также в том, что внятных высказываний, разъясняющих, что мигранты не являются ключевой проблемой преступности, с анализом по разным типам преступлений, по регионам и так далее, вовсе не видно.

Таким образом, в теме, которую можно назвать «миграция как проблема», власть фактически не противостоит этно-националистам. Неожиданный этот консенсус обществом воспринимается как тупик: проблема обозначена, много раз повторена, но решения не предлагаются. На самом деле, они предлагаются. С одной стороны, выступают сторонники массовой депортации, закрытия границ, введения визового режима со странами СНГ и так далее, но выступают сравнительно тихо из-за маргинального политического статуса и ограничений в доступе к масс-медиа. С другой стороны, выступают сторонники разработки программ интеграции и последовательной борьбы с дискриминацией, но их голос и подавно слишком тих. Предложения же чиновников разного уровня повторяются почти дословно из года в год и явно не сопровождаются какой-то заметной общественной практической деятельностью, поэтому они просто игнорируются, либо удостоиваются саркастических комментариев. В результате в масс-медиа все большее распространение приобретает жанр безнадежной констатации тупика так называемой «национальной политики» [24].

Реакция общества на беспорядки на Манежной площади

Беспорядки, организованные радикальными националистами на Манежной площади и другие связанные с ними события декабря 2010 года [25] резко подняли статус и эмоциональный градус всех дискуссий, так или иначе касающихся темы этничности. Эта тема стала претендовать на то, чтобы быть одной из ключевых в наступившем 2011

году и, соответственно, в федеральных выборах – парламентских и президентских. Но современная российская политическая система не предполагает открытой полемики в «большой политике», если таковая не допущена Кремлем. Поскольку участие националистических партий в «большой политике» было явным образом исключено с 2006 года (да и сами эти партии исчезли), дискуссия именно о расизме, миграции и тому подобных темах оказалась сильно деформирована. Резкий контраст между массовым запросом на тему и отсутствием адекватной дискуссии по ней бросается в глаза.

Деформирована не только политическая система в целом, но и само движение националистов. Лишение доступа к выборам, да и качество этих выборов, резко снижают в глазах новых активистов ценность собственно политического активизма. А ведь движение является преимущественно молодежным и быстро пополняется именно новыми возрастными когортами. Эти молодые люди либо быстро разочаровываются и возвращаются в частную жизнь, ибо обращаются к насильственным действиям как к наиболее доступной альтернативе (правда, эта альтернатива тоже проблематична, что активно обсуждается в ультраправой среде). Впрочем, надо сказать, что и без давления со стороны властей движение русских националистов испытывает крайний дефицит кадров, не ориентированных на насилие. А уж людей, готовых осуждать так называемое прямое действие, вообще почти нет [26]. Эта специфически российская проблема существенно понижает возможность движения националистов влиять на общественную полемику.

Вместо националистов, наиболее интеллектуальная часть которых способна связно излагать свое видение проблем и формулировать свои предложения, те же идеи для общества транслируют другие акторы, далеко не всегда связанные с националистами напрямую.

Особую роль играют некоторые журналисты, специализующиеся на тематике «защиты русских». Именно они порождают и доносят до широкой аудитории интерпретации множества конфликтов и проблем именно как «межэтнических». Особенно часто это случается после публикации громкой новости, в которой этнический фактор действительно сыграл значимую роль, – журналисты пытаются найти подобные события. Так формируется восприятие любых конфликтов, вовлекающих разноэтнических людей, как межэтнических. Это восприятие, кажется, уже стало почти общепринятым.

Наиболее показательный недавний пример – освещение конфликта в деревне Сагра Свердловской области. Фактическая канва весьма проста: некоторые жители деревни вступили в конфликт с местным наркоторговцем – тот вызвал на подмогу неких бандитов – бандиты приехали 1 июля 2011 г. в село на нескольких машинах и с оружием – на подходе жители села оказали им вооруженный отбор, в перестрелке один из бандитов был убит, – начавшееся следствие велось достаточно вяло, была даже попытка возложить вину на стрелявших крестьян, а не на бандитов. Однако уже первоначальное освещение конфликта было ярко этнически окрашено. Автор растиражированных сообщений, глава организации «Город без наркотиков» Евгений Ройзман, известный не только экстремальными методами «лечения» наркоманов, но и многочисленными расистскими высказываниями, акцентировал, что наркоторговец был цыганом, крестьяне – русскими, а бандиты – азербайджанцами, а коллега Ройзмана Евгений Маленкин, на которого он ссылаясь, уже прямо называл бандитов «зверьями» [27]. И в подавляющем большинстве последующих текстов, в которых упоминалась Сагра, она упоминалась именно как пример «межнационального конфликта», с большим или меньшим акцентом на критику полиции, хотя даже в первоначальных сообщениях «Города без наркотиков» не было и

речи о том, что конфликт был как-то мотивирован этнической враждой, – это было именно нападение бандитов на село.

римечательно, насколько единодушным было такое понимание истории в Сагре, в сравнении с интерпретациями событий на Манежной площади. Тогда, несмотря на ярко выраженную этническую вражду участников, многие комментаторы стремились увести этническую тему на задний план [28].

Встречаются также случаи, когда журналисты выступают прямо с программными статьями националистического толка, что всегда привлекает внимание, если речь идет о популярном издании. Например, после событий на Манежной площади, известный журналист Дмитрий Соколов-Митрич опубликовал статью [29], основанную, что примечательно, не на защите интересов этнических русских, а на защите «атомизированных» горожан – от диких кавказцев, живущих по другим законам и постепенно, исподволь захватывающих власть в российских городах. Автор предлагает начать «юридический террор» против выходцев с Кавказа, максимально наказывая их за любые провинности, с тем, чтобы воспитать в них таким образом уважение к общегражданским нормам поведения. Интересно, что автор ничуть не смущается расистской избирательности предлагаемых мер (ничуть не смущается и редакция одной из самых многотиражных газет страны), более того, он уверен, кажется, что именно это имелось ввиду при введении, например, в Нью-Йорке политики «zero tolerance», и полагает, что именно этого хочет большинство граждан, поддерживая лозунг «Е...ть Кавказ! Е...ть!».

Риторика «межнационального конфликта» активно поддерживают, сознательно или по инерции, многие общественно значимые фигуры. Стоит выделить в их ряду лидеров основных религиозных организаций. Традиционно в современной России религиозные и этнические идентификации не просто смешиваются, но это смешение институционализируется. Например, в Межрелигиозном совете России представлены только так называемые «традиционные религии» (православие, ислам, буддизм и иудаизм), которые отличаются от почти всех остальных именно тем, что могут указать на свой «этнический ареал», не пересекающийся в идеале с «этническими ареалами» партнеров по этому совету. Разделение «ареалов» не просто существует в реальности (исключения существуют, но немногочисленны), но и постоянно подчеркивается религиозными лидерами. После событий на Манежной площади представитель Русской православной церкви протоиерей Всеволод Чаплин предложил создать межконфессиональные рабочие группы для умиротворения «межнациональных конфликтов». Это предложение крайне нереалистично. Тем удивительнее, что президент Медведев согласился с предложением отца Всеволода на заседании президиума Государственного совета 11 февраля 2011 г.

Предлагаемое миротворчество не просто имплицитно основано на концепте «межнационального конфликта», но и заведомо переводит участников бывших или будущих беспорядков из статуса хулиганов, а то и уголовников (к которым власти и общество могут отнестись с большей или меньшей снисходительностью, в зависимости от обстоятельств) в статус легитимных представителей своего «народа» [30]. В достаточно откровенной форме эту мысль выразил умеренный в целом человек, де-факто являющийся одним из наиболее слышимых голосов Русской православной церкви, – диакон Андрей Кураев. По поводу беспорядков на Манежной площади он сказал: «Погром всегда – реакция беззащитных, которые устали надеяться на защиту со стороны властей» [31].

Не могут пройти мимо востребованной в обществе тематики национализма и парламентские партии. Проще всего уклониться от запросов общества принципиально безыдейной правящей «Единой России», и на прежних выборах она заметно отставала от оппонентов по количеству языка вражды в агитации [32]. Само собой, всегда подхватывает ксенофобную риторику ЛДПР, изначально выступавшая как националистическая партия и лишь со временем растерявшая свою принципиальность. Хотя к парламентским выборам 2011 года и ЛДПР выступила несколько откровеннее прежнего: она не просто привлекала отдельные группы радикальных националистов к сотрудничеству на периферии партийной жизни, но создала при партии «Русский комитет», в который вошли лидеры основных публично действующих организаций радикальных русских этно-националистов. На выборы ЛДПР пошла под лозунгом «ЛДПР – за русских», но праворадикалов в собственно партийный список не взяла.

Сотрудничество других зарегистрированных партий с радикальными националистами, если и стало теснее, все равно осталось явлением для партий периферийным. Но, избегая политически рискованного (и для многих морально неприемлемого) сотрудничества с радикалами, партийные деятели сами активно подхватывают отчасти их риторику. В качестве примера можно привести лидера подмосковной организации либеральной партии «Правое дело» Бориса Надеждина, ложно обвиненного в том, что он набирает в организацию скинхедов [33]. Конечно, Надеждин, представляющийся как русский либерал, не набирает людей радикальнее умеренно-националистического активиста и политехнолога Виктора Милитарева. Но он выдвигает лозунг «Подмосковье – русская земля» и вот как разъясняет его смысл: «если, условно говоря, вы приехали сюда, пусть вы по происхождению китаец, кавказец, японец, кто угодно, и собираетесь здесь жить и чтобы ваши дети жили и внуки, вам нужно становиться русским человеком, если не по цвету лица, то по культуре, по традициям, по обычаям. Потому что здесь люди так живут испокон века». Далее Надеждин утверждал, что в Европе 20 лет практикуется мультикультурализм, а в США действует «плавильный котел», и настаивал, что единственно правильный путь – именно второй, понимаемый как полная ассимиляция, вплоть до неперемного называния детей русскими именами (правда, крестить всех Надеждин не предлагает), иначе индусы в своих поселках «будут в Оку сбрасывать своих умерших и так далее». Разумеется, концепция «почвы» касается не только иммигрантов. Если Подмосковье было и должно оставаться «ядром русского народа», то остается также добавить: «Я при этом уважаю желание чеченского народа, чтобы это (видимо, чеченская земля – А.В.) было ядром чеченского народа, и в Грозном мечети, и Кадыров на веки вечные и так далее. Я же туда со своим уставом не прихожу». Примечательно также, что Надеждин настаивал на том, что люди с не русскими фамилиями (как Ройзман или Плетосу) не могут быть русскими националистами [34]. Таким образом, риторика Надеждина направлена на ассимиляцию, но реально работает скорее на разделение населения, в том числе граждан, по этническому и отдельно по этно-территориальному признакам.

Наконец, не следует думать, что так называемая «внесистемная», то есть заведомо не допускаемая в парламент, демократическая оппозиция остается в стороне от тех же процессов. Например, группа Владимира Милова, исключенная (или ушедшая, возможны разные интерпретации раскола) из движения «Солидарность» именно за склонность к националистическим идеям, продолжила деятельность под названием «Демократический выбор» и влилась в этом качестве в объединенную либерально-демократическую оппозиционную партию «ПАРНАС». В проекте программы «Демократического выбора»,

например, предлагалось ввести для выходцев с Северного Кавказа ограничение на въезд в другие регионы страны [35].

В малочисленной и чувствующей свою слабость демократической оппозиции очень слабо действует механизм отторжения даже радикально-националистических элементов. Например, к защитникам Химкинского леса примыкали весьма радикальные ультраправые прямо со своей символикой, и это не вызывало протестов у руководства движения [36].

Охотно печатаемый во всех основных оппозиционно-демократических изданиях экономист и публицист Михаил Делягин уже в 2010-11 годах пытался создать национал-популистскую партию «Родина – здравый смысл» вместе с другим известным публицистом, Максимом Калашниковым, прямо называвшим себя национал-социалистом [37], но даже это не сделало Делягина менее приемлемым автором. Делягин не считает себя националистом, но ситуацию в стране понимает следующим образом: «то, что сегодня официально считается «национализмом» и «экстремизмом», в основе своей является не более чем проявлением, причем чудовишно запоздалым и неимоверно слабым, инстинкта самосохранения русского народа и всей российской цивилизации в целом перед лицом чудовищной этнической агрессии, которой он подвергается». Источник и форма агрессии указаны – «нарастающий кавказский террор», также сказано, что агрессия эта, «насколько можно судить, поддерживаема властью» [38].

Попытка корректировки курса власти с декабря 2010 года

Декабрьские события 2010 года требовали от руководства страны как оперативной реакции, так и какой-то корректировки курса в том, что можно было бы называть «этнической политикой». Тем более, примерно пятая часть граждан в той или иной степени поддержала выступавших на Манежной [39].

Оперативная реакция после нескольких дней полной растерянности оказалась ожидаемой. Оба члена властного тандема высказались за жесткие и не избирательные (в этническом смысле) меры для поддержания законности. Это было действительно необходимо заявить в той ситуации, но этого было явно недостаточно.

Первым к высказываниям по существу возможной корректировки политики перешел Владимир Путин, поэтому с него мы и начнем анализ позиции правящего тандема.

Уже через несколько дней после беспорядков он встретился с лидерами футбольных хулиганов (и совершенно зря, т.к. эти лидеры продемонстрировали в декабре, что не способны контролировать значительную часть фанатов, особенно самых молодых), посетил могилу Егора Свиридова, убийство которого в уличной драке и стало поводом для беспорядков (такой шаг премьера заслуживал бы всяческого одобрения, если бы не был экстраординарным исключением в практике В. Путина; по крайней мере, на могилы убитых в многочисленных hate crimes он никогда не приезжал), и к концу декабря даже высказался за ужесточение режима регистрации по месту жительства или пребывания вплоть до уголовной ответственности за нарушения [40]. Впрочем, последнее популистское заявление не имело никаких реальных последствий. И в целом, явные попытки заигрывать с потенциальными сторонниками этно-националистов на этом закончились, вероятно, потому что реальная угроза новых беспорядков уже миновала.

На том же заседании, где Путин высказался по поводу ужесточения режима регистрации, он высказался и в пользу идеи сплочения политической нации, правда, не используя самого этого термина. Признавая, что для создания такой нации нужно что-то объединяющее (в качестве примера было приведено идеологическое единство советского народа), Путин предложил в качестве объединяющей идеи развивать «общероссийский патриотизм», что является явной тавтологией.

В целом, рассуждения Путина так и остались в рамках «урегулирования межнациональных отношений» [41]. (Кстати, все его выступления с декабря 2010 года, как-то касающиеся интересующей нас тематики, находятся в Google на слово «межнациональный». У некоторых других крупных политиков, включая президента Медведева, Google не дает столь идеального результата.) Это выражается в произнесении годами обкатанных формулировок в духе «межнационального согласия». Хотя, следует признать, премьер-министр не избегает конкретных острых вопросов (например, о целевом наборе студентов с Северного Кавказа [42]), даже если знает, что аудитория не будет рада: так, активистам Федерации независимых профсоюзов России он говорил о неизбежности дальнейшей трудовой иммиграции [43]. Большое внимание Путин уделяет воспитанию этнической толерантности, но интерпретирует ее не через гражданскую солидарность или идею равноправия, а традиционно – то есть этнографически: «Мы всегда должны помнить, что одни из причин межнациональных конфликтов – невежество, низкий уровень образования людей, отсутствие знаний и о своей собственной культуре, и о культуре своих соседей» [44]. И конечно, ничего не говорится о реальных программах интеграции мигрантов, а слово «дискриминация» не встречается вовсе (что, заметим, характерно далеко не только для Путина).

В воспитательном меседже премьер-министра выделяется та же идея территориальной привязки этничности, которую декларирует, допустим, Борис Надеждин (см. выше) и которую в масс-медиа обычно связывают с народной поговоркой «в чужой монастырь со своим уставом не ходят». Путин неоднократно говорил о том, что человек должен адаптировать свои этнокультурные традиции под этнокультурные традиции, ассоциируемые с местом его нынешнего, постоянного или временного, проживания. «Культура межнационального общения» заключается в том, что «уж если кто-то перемещается на территорию своего нетрадиционного проживания, он должен с уважением относиться и к культуре, и к языку, и к обычаям тех людей, среди которых он решил жить» [45]. Возникает вопрос, в каких формах это «уважение» должно проявляться, но ответа на этот вопрос нельзя добиться не только от Путина, но и от более доступных для расспросов официальных лиц. Впрочем, Путин дал некоторое представление об этом: на встрече с представителями северокавказских молодежных организаций, вспомнив о дебатах в Европе о ношении чадры, он сказал, что если принимающим «народом» (речь, очевидно, шла не о политической нации, а об этносе – А.В.) некое поведение (например, ношение чадры) «воспринимается как религиозно-культурная агрессия, если это вызывает отторжение, то нужно к этому относиться с пониманием и не навязывать свои порядки». Путин также добавил: «Я вполне допускаю, что есть люди совсем радикальных взглядов, но тогда поезжайте и живите там, где эти радикальные взгляды являются нормой» [46].

В духе идеи об «урегулировании межнациональных конфликтов» Путин говорит о необходимости взаимодействия этнических организаций и даже прямо обращается к ним на специальной встрече в июле 2011 года. Особо выделяется роль религиозных организаций, традиционно объединяемых к этническими. Премьер-министр даже пускается для этого в довольно странные псевдотеологические спекуляции: «Вы знаете, у

нас восточное христианство – православие. И некоторые теоретики христианства говорят, что оно во многом даже ближе к исламу, чем, скажем, к католикам» [47].

Выступления Дмитрия Медведева, ориентированные на изменения политики в сфере, касающиеся этничности, заметно отличались от путинских – хотя бы уже тем, что претерпели стремительную эволюцию. Еще в конце декабря Президент лишь рассуждал о восстановлении «международного согласия», почти не впадая в популизм (разве что в тот момент, когда счел нужным в этой связи упомянуть необходимость «жестче перекрывать каналы нелегальной миграции»), но и не подхватив по существу слова Путина о гражданском единстве [48].

Но уже в январе он произнес программную речь перед руководством Федерального Собрания. Настаивая на единстве в многообразии российских этнокультурных традиций, он выделил особую роль русской культуры как не только самой крупной в количественном плане, но и как «основы, костяка развития всей нашей многонациональной культуры». Особое внимание Медведев уделил при этом православию, вплоть до такого, несколько неожиданного в данном контексте, оборота: «... за последние годы Россия в Святой земле построила новые храмы, музеи, гостиницы для паломников. Это, безусловно, укрепляет русские традиции». Следует учитывать, что Дмитрий Медведев – в существенно большей степени может быть назван православным президентом, чем Владимир Путин [49]. В конструкции союза этнокультур по главе с русской нет ничего нового. И Президент продолжил тем, что культуры не должны пониматься только в смысле соответствующих традиций, культура включает и современную культуру, которую надо специально развивать: «Нужно поддерживать и современный русский фольклор, и музыку, и литературу наших дней, и те обычаи, которые возникают у нас на глазах». Медведев закончил речь патетически: «Только таким образом можно выработать синтетические национальные ценности» [50]. Вероятно, Президент действительно рассчитывает на то, что современные культурные тенденции, гораздо более открытые в плане «межкультурного взаимодействия», что бы это ни значило, будут способствовать интеграции нации. Разумеется, одни культурные практики не могут обеспечить такого результата, но, по крайней мере, в этой речи было выдвинуто какое-то содержательное соображение о том, откуда может взяться единство российских граждан.

На специально созванном заседании президиума Госсовета «о мерах по укреплению международного согласия» 11 февраля 2011 г. [51] Медведев продолжил ту же линию, но скорректировал ее. Он меньше говорил о доминирующей роли русской культуры, разве что напомнил, что иммигранты обязаны знать русский язык (и соответствующие меры сейчас готовятся Правительством). Зато подчеркнул, что для России речи западных лидеров «о крахе политики мультикультурализма» неактуальны: Медведев настаивал на мультикультурном характере России. Впрочем, ничего именно о политике мультикультурализма он не говорил: в России политики и чиновники вообще, как правило, путают значение этого слова с фактической мультикультурностью общества.

Зато было прямо сказано о необходимости «создать полноценную российскую нацию при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну», правда, только в заключительном слове, когда в пользу такой идеи высказались несколько участников собрания. Практические предложения Президента лежали, в основном, в области воспитания – будь то молодежи, чиновников или граждан в целом, и носили либо очень общий, либо какой-то не очень серьезный характер (например, много говорилось об агитационных видеороликах). Опять особо была выделена роль религиозных лидеров. Но

была затронута и реальная проблема – этническая дискриминация при формировании органов власти в регионах. Правительству и представителям Президента в федеральных округах было предложено представить предложения «по искоренению таких перекосов».

Таким образом, Медведев фактически не развил свои предложения, выдвинутые в декабре. И вообще, выступал довольно осторожно. Примечательно также, что в последующие весенние и летние месяцы он не сделал существенно новых заявлений. Скорее всего, дело в том, что в высших чиновничьих кругах нет, как и раньше не было, никакого подобия согласия в том, какой может быть стратегия государства. Не зря, несмотря на почти всеобщее мнение, что Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, принятая в 1996 году, устарела, разработать и принять новую никак не удается до сих пор.

В принципе, февральское выступление Медведева опиралось на розданный участникам доклад, подготовленный Министерством регионального развития [52]. Но если обратиться к самому тексту доклада, станет понятно, что Президент не стал полноценно озвучивать концепцию доклада, видимо, слишком определенно сформулированную, хотя именно из этой концепции, вкратце изложенной ниже, вытекает все то, что он все же сказал.

Доклад ориентирует государство на «принятие системных мер, направленных на укрепление гражданского единства россиян при одновременном решении вопроса этнокультурного самочувствия русского большинства и сохранения этнокультурного многообразия российской нации».

Доклад неоднократно обращается к понятию «большинства». Например, «самобытность России и российской цивилизации» – это «многонациональность, поликонфессиональность и многоукладность при наличии этнического (русские) и религиозного (православные) большинства». В числе мировых тенденций, наряду с массовыми миграциями, столкновением секулярной и религиозной парадигм и т.д., называется и «поиск в демократическом обществе правового выхода из ситуации абсолютизации прав меньшинств в ущерб правам большинства».

Доклад с уникальной, наверное, для официальных документов откровенностью открывает перечень проблем, доставшихся России в наследство от СССР, «этническим принципом административно-территориального устройства».

Применительно к России подчеркнуто используется термин «российская цивилизация», отсылающий к богатой традиции так называемого цивилизационного национализма [53]. Эта традиция в сегодняшнем русском национализме противопоставляется этно-национализму, и тем самым доклад также противопоставлен именно ему, что прямо сказано и в самом тексте. Проблематика и соответствующие предложения доклада лучше всего иллюстрируются представленным там списком «ключевых проблем в сфере состояния межэтнических отношений». Придется привести его целиком, так как формулировки и их последовательность наилучшим образом представляют позицию авторов доклада:

- слабая общероссийская гражданская идентичность, в том числе у северокавказской молодежи, при все большей значимости этнической и религиозной самоидентификации;

- этнополитический и религиозно-политический радикализм и экстремизм, в том числе в молодежной среде;
- сложное социокультурное самочувствие русского народа на фоне этнической мобилизации других этнических сообществ и роста числа мигрантов, неудовлетворенность его этнокультурных потребностей;
- рост националистических настроений в среде русской молодежи; - низкая активность неправительственных организаций;
- отсутствие общественного согласия по вопросу базовых ценностей российского общества, по-прежнему, незначительная роль традиционных (в т.ч. семейных и религиозных) ценностей в жизни современного россиянина на фоне роста активности как традиционных, так и новых религиозных организаций;
- попытки реализации на территории Российской Федерации ряда геополитических проектов в интересах отдельных зарубежных государств, этнических или религиозных сообществ и направленных на дестабилизацию общественно-политической ситуации в России вплоть до распада государства по этническому или религиозному принципу».

Доклад безусловно и прямо выступает за формирование приоритета гражданской идентичности над этнической (в особенности – в системе образования). Возможность формирования такого приоритета подтверждается данными опросов ВЦИОМ, согласно которым значимость этнических и тем более религиозных различий для россиян постепенно снижается [54].

Привлекается историческая тождественность понятий «русский» и «россиянин». Стоит отметить, что ключевая цитата взята у одного из основных либеральных националистов начала XX века – Петра Струве. А в сегодняшних условиях одной из ключевых задач считается укрепление роли русского языка.

Применительно к меньшинствам в докладе говорится даже о проблемах дискриминации и о необходимости социальной адаптации мигрантов. Одна из задач государственной политики формулируется так: «преодоление коррупции в органах государственной власти и правоохранительных органах, формирующей в обществе протестные настроения и безнаказанность отдельных представителей этнических сообществ». Надо признать, невозможно было обратиться к популярной в обществе теме «этнопреступности» более политкорректным образом.

Реакция на корректировку курса

Бросается в глаза разница между четкостью формулировок этого доклада, не оставляющей места различным интерпретациям, и определенной уклончивостью выступлений Президента. Но не менее важно, какой отклик в среде высшей бюрократии вызвал концептуальный подход, просматривающийся в обоих этих источниках. Некоторый разброс откликов можно было наблюдать прямо на самом февральском заседании президиума Государственного совета, хотя для таких собраний естественно полное согласие с предложенной сверху позицией.

Уже губернатор Ростовской области Василий Голубев, которому довелось представлять тот самый доклад рабочей группы Госсовета, при изложении допустил

определенные отклонения от смысла доклада. Например, рассуждая о причинах имеющихся проблем, он ссылаясь только на причины внешние или исторические, но никак не обсуждал недостатки сегодняшней политики. Явно более сильный, чем в докладе, акцент был сделан на трудностях в «этническом самочувствии» русских; говорилось даже, что «сегодня у нас недостаточно общественных организаций, которые развивали бы и пропагандировали русскую культуру, фольклор, традиции, наконец, русский язык» [55]. Говоря об общей установке на формирование общегражданской идентичности, докладчик одновременно счел, что «особое внимание при этом следует обратить на миротворческий социальный потенциал национально-культурных объединений, религиозных организаций, общин и землячеств» (что, видимо, отчасти основано на ростовском опыте местных межэтнических переговорных площадок и т.д.).

Голубев при этом очень точно поставил две связанные задачи: «Прежде всего надо договориться о терминологии и прояснить основные подходы к реализации государственной национальной политики, какие идеи, объединяющие всех граждан, мы продвигаем». Беда только в том, что ни он, ни другие ораторы, ни на том заседании, ни позже не сделали не только второго (что объективно очень сложно), но и первого, на что уже через месяц указали собравшиеся для обсуждения той же проблематики ведущие социологи и антропологи [56].

Региональные лидеры поддержали идею формирования общегражданского единства, а также идею доминирования русской культуры (и в первую очередь – ключевой роли русского языка) в этом процессе. В таком духе высказались даже президенты национальных республик (Якутии-Саха и Дагестана), правда, президент Башкортостана Рустэм Хамитов все же настаивал на сохранении двуязычия. Еще радикальнее поддержал Медведева президент Кабардино-Балкарии Арсен Каноков: «установление ведущей роли русского народа, его языка и культуры в этом процессе должны, на мой взгляд, иметь юридическое закрепление» [57]. Он также акцентировал важность укрепления традиционных моральных и религиозных ценностей разных народов страны. Валентина Матвиенко, со своей стороны, предложила законодательно закрепить «содержательные основы национально-государственной идеи современной России».

Не возникает уверенности, что такая политическая элита способна проводить концептуально целостную государственную политику в столь туманном для нее вопросе. Тем более, что максимально качественный на данный момент официальный документ, а именно вышеупомянутый доклад (его можно и нужно критиковать, но трудно сейчас ожидать от государственного аппарата чего-то качественно лучшего), не продвигается должным образом первыми лицами страны. И дискуссия на уровне высокопоставленного чиновничества почти не ведется.

Реакция общества на программные заявления Президента в январе-феврале 2011 года была на редкость вялой. В основном в не официозных масс-медиа ограничились ироническим пересказом с упором на имеющее не лучшую репутацию в сегодняшнем русском языке слово «россиянин» и на аналогии с понятием «советский народ».

По существу инициативу Президента подвергли сомнению социологи Эмиль Паин и Владимир Мукомель, резонно отметившие, что надэтническое единство должно реализовываться через гражданскую нацию. Но для существования таковой требуются активное гражданское общество и соответствующее самосознание граждан, а в сегодняшней России и то, и другое очень слабы [58]. К этому можно также добавить, что существующий политический режим и не предполагает их усиления. Впрочем, не зря ни

Путин, ни Медведев и не употребляли термина «гражданская нация». То, о чем они говорили и что описано в докладе Госсовета, скорее следует называть термином «политическая нация» – в нем содержится антитеза этнической нации, но не предполагается собственно народовластие. И такие политические нации возможны – многие страны Европы и Латинской Америки в их авторитарный период могут служить тому примером. Возможно, правящий тандем неявно имел ввиду именно это (степень жесткости авторитаризма – второстепенный в данном случае параметр).

Интересно также отметить реакцию некоторых русских этнонационалистов. Именно некоторых, так как иные из них, как, например, Павел Святенков, предпочли фактически проигнорировать новые идеологические инициативы власти [59]. Никак не отреагировал и обычно пишущий обо всем на свете Константин Крылов.

Зато практически согласился с Медведевым один из наиболее умеренных авторов этнонационалистического лагеря – Михаил Ремизов. Он не возражает против варианта гражданской нации (и он использует именно этот термин), но именно потому, что формирование таковой предполагает мощную унификацию, только не в языке или каких-то этнографических чертах, а – «однородность политической культуры и гражданского сознания». Ремизов пишет, что, если власти удастся добиться такой однородности применительно к Кавказу и к выходцам с Кавказа, это вполне устроит русских: «главный запрос Манежной площади вполне может считаться запросом на гражданскую нацию» [60].

Но риторику доклада Госсовета о том, что «россияне» и «русские» – это исторически одно и то же, можно повернуть и в оппозиционную сторону, что и сделали более воинственно настроенные авторы (хотя тоже далеко не уличные радикалы), Борис Виноградов и Андрей Савельев. Они критикуют Медведева за попытку построить «россиянскую» нацию за счет русской нации: «С нашей точки зрения, в России уже сформировалась нация, и она существует как явление русской политической культуры». Далее повторяется общее место для националистов: «бюрократия и этнократия образуют альянс против русских» (под этнократией понимается, разумеется, любая, кроме русской). Примечательно, однако, что далее авторы вовсе не настаивают на какой-то культурной «русификации», они утверждают, что «любые вопросы национальности (этничности) и религиозной принадлежности должны быть оставлены на частное усмотрение гражданина, а государство должно придерживаться строгой унифицирующей роли», все народы должны «ассимилироваться в русскую гражданскую нацию, сохраняя свои этнографические особенности и веру» (в качестве аналогии приводится американский «плавильный котел» с WASP в роли его ядра) [61].

Таким образом, даже твердо стоящий на позициях расового подхода А. Савельев [62] выступает сегодня за то же, за что выступают и типичный испуганный горожанин Д. Соколов-Митрич, и либерал Б. Надеждин, и что можно вычитать, продираясь сквозь противоречивую риторику, из официальной президентской позиции. Надо сказать, это весьма редкий для сегодняшней России пример согласия между столь различными акторами.

С другой стороны, несомненно, не согласен с Президентом Константин Крылов, один из самых внятных и убедительных пропагандистов русского этно-национализма. Для него существующая власть – «инородческая» и антирусская и потому в принципе не может быть источником чего-то конструктивного в нациестроительстве. Крылов также не может принять конструирования какой бы то ни было сущности, более значимой, чем

собственно русский народ, понимаемый как кровно-родственное сообщество [63]. И он в таком понимании отнюдь не одинок.

Власть очень осторожно предлагает обществу постепенный переход от нынешней этнической политики к какой-то новой, в духе отмеченного выше согласия. Нынешнюю можно охарактеризовать двояко. Во-первых – как почти отсутствующую, никак толком не формулируемую. Во-вторых – как основанную на приоритете «поддержания межнационального мира» путем поддержания баланса между разнообразными субъектами предполагаемых «межнациональных отношений» – оставшимися от советской эпохи (например, территориальные этнические элиты), случайными (например, так называемые «национальные диаспоры») или даже никак в реальности не структурированными (например, «кавказская молодежь»). Эта политика требует только повторения тезиса, что мультиэтничность является плюсом для страны, и не позволяет сделать никакого другого содержательного утверждения.

Новая политика, видимо, должна стать политикой большей унификации страны в смысле как писаного, так и обычного права, причем этот процесс должен сопровождаться педальированием патриотических эмоций и подчеркиванием значимости русского и православного «ядра» формируемой таким образом политической нации. Из нынешних заявлений лидеров страны и их практических действий невозможно сделать выводы, каковы будут темпы этого процесса, насколько предполагаемая интеграция иммигрантов и этнических меньшинств будет похожа на культурную ассимиляцию и т.д. На самом деле, нельзя даже сказать, начнется ли этот процесс конструирования «правильного котла» вообще.

Уже видно, впрочем, что отношение во всех слоях общества (мы рассмотрели в качестве примеров крайние случаи – членов президиума Госсовета и интеллектуальных лидеров русских этно-националистов) к возможной смене курса, если вообще проявляется, то выглядит противоречивым. Чтобы в таких условиях курс все же был сменен, потребуются, видимо, какие-то еще заметные потрясения масштаба не менее тех, что были в декабре 2010 года.

[1] Гудков Лев. «Россия для русских»: ксенофобия и антимигрантские настроения в России // Нужны ли иммигранты российскому обществу? М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. С. 31-78.

[2] Там же. См. также: Этническая и религиозная интолерантность в российских СМИ. Результаты мониторинга 2001–2004 гг. / Под ред. А. Верховского и Г. Кожевниковой. Stuttgart: Ibidem, 2005.

[3] Эта тема, конечно, нуждается в более подробном обсуждении. См: Верховский А. Эволюция постсоветского движения русских националистов // Вестник общественного мнения. 2011. №1 (107). С.11-35.

[4] Вот, например, заголовок новости на сайте Движения против нелегальной иммиграции: Правящие национал-предатели готовят новый антирусский закон // Сайт ДПНИ. 2008. 11 октября (<http://www.dpni.org/articles/kommentari/10230/>).

Но власть могут и прямо назвать «антирусской». См.: 13 марта – приходи на избирательный участок! Вырази свое отношение к партии воров и жуликов! // Там же. 2011. 9 марта (http://dpni.org/articles/novosti_dp/21023/).

[5] См. например: Национализм в России // Левада-центр. 2011. 6 сентября (<http://www.levada.ru/press/2011090601.html>); Следует ли ограничить проживание на территории России людей следующих национальностей? (Да) // Там же. 2010 (<http://www.levada.ru/archive/mezhetnicheskie-otnosheniya/sleduet-li-ogranichit-prozhivanie-na-territorii-rossii-lyudei-sl>).

[6] См. данные опроса ВЦИОМ в докладе Министерства регионального развития: О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе // Сайт Министерства регионального развития. 2011. Февраль (http://www.minregion.ru/activities/interethnic_relations/national_policy/505/902.html) (Далее – «Доклад Минрегиона»). С. 15-17.

[7] В опросе молодых горожан: неприязнь к кавказцам выразили 39% опрошенных (даже больше, чем к милиционерам – 27%), а к иностранным рабочим – 20%. Эти данные приведены в опросе агентства «Политех», сделанном по заказу Общественной палаты РФ. См.: Межнациональная нетерпимость в городской молодежной среде (по следам событий на Манежной) // Сайт Общественной палаты РФ. 2011. Апрель (<http://www.oprf.ru/files/oprosmolodezh.pdf>) (далее – «Опрос Политеха»). С. 48-49.

[8] Там же. Стр. 17. Во взрослой выборке в цитируемом выше опросе Левада-центра «Национализм в России» картина чуть мягче, но похожая.

[9] Там же. Стр. 21-30.

[10] Дискуссия началась с этого интервью московского чиновника: Пятилетова Любовь. Москвичи пяти морей. Михаил Соломенцев: Ставку нужно делать на то, что объединяет жителей столицы // Российская газета. 2010. 16 июня.

[11] Опрос Политеха. Стр. 52-54.

[12] Интересна, что сумма первых двух чисел, то есть процент тех, кто вполне готов на отделение Чечни, бывал и повыше – в 2002-2005 гг., но вот процент равнодушных гораздо выше, чем раньше. В сумме в опросе 2011 года все они составили 62%, что является абсолютным максимумом. Данные предоставлены автору Левада-центром.

[13] Сейчас республики Северного Кавказа – одни из самых зависимых от дотаций из федерального бюджета, хотя лидируют по этому показателю все равно регионы Дальнего Востока.

[14] Текст доклада доступен на сайте журнала умеренного крыла русских этнонационалистов: Кавказ-2011: Русский взгляд // Сайт журнала «Вопросы национализма» (<http://vnatio.org/archiv-nomerov/node82/>).

[15] Александр Белов: "Давайте восстанавливать Россию!" // АПН.ру. 2011. 12 июля (<http://www.apn.ru/opinions/article24469.htm>).

[16] Кожевникова Галина. Ультраправые тенденции в прокремлевских молодежных движениях // Русский национализм между властью и оппозицией. М.: Центр «Панорама», 2010. С. 4-17.

[17] Актуальная статистика может быть всегда получена на сайте Центра «Сова» (<http://sova-center.ru/database>), а также в приложении к последнему докладу по проявлениям радикальной ксенофобии, доступному на сайте Центра «Сова». В печатном виде см. приложения в: Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2010 году. М.: Центр «Сова», 2011.

[18] Последний ежегодный доклад: Розальская Мария. Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в России в 2010 году // Там же. С. 73-97. Новости и доклады по этой теме можно также найти на сайте Центра «Сова» в разделе «Неправомерный антиэкстремизм» (<http://sova-center.ru/misuse>).

[19] Александр Осипов писал: «В советский период основным идеологическим клише, обозначавшим направленность государственной политики в этой области, была "дружба народов". В конце 80-х – начале 90-х годов акценты заметно сместились, и прежний тезис стал высказываться через отрицание – как предотвращение и урегулирование конфликтов. Сама по себе эта формула не несет в себе определенного содержания, но обеспечивает основу для множества риторических приемов, позволяющих оправдать социальную инженерию разного характера и разной направленности». Осипов А. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс // Расизм в языке социальных наук. СПб: "Алетейя", 2002. С.45-69.

В более широком контексте А. Осипов рассматривает советское концептуальное наследие в: Он же. Равноправие без границ // Неприкосновенный запас. 2011. №4.

[20] Не вести переговоров с неонацистами! // Центр «СОВА». 2009. 30 января (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2009/01/d15173/>).

[21] Судя по официальным данным МВД. См. например: Состояние преступности – январь-декабрь 2010 год // Сайт МВД (http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_88233/).

[22] Летом 2011 года Владимир Путин сказал: «По разным данным, у нас, в России, сейчас проживает где-то от 7 млн до 10 млн иммигрантов». См.: Председатель Правительства Российской Федерации В.В.Путин встретился с представителями конфессий и национально-культурных общественных организаций // Сайт Премьер-министра. 2011. 20 июля (<http://premier.gov.ru/events/news/15972/>).

Если считать, что Путин не назвал бы иммигрантами тех, кто уже получил гражданство, и если даже взять меньшую цифру из названных, получается, что неграждане совершают преступления даже несколько реже граждан. Возможно, этот баланс несколько выравнивается за счет нераскрытых преступлений.

[23] Все это рассмотрено на примере одного из выступлений председателя Следственного комитета Александра Бастрыкина в: Бессуднов Алексей. Зачем прокуратура приписывает иностранцам лишние преступления // Слон.ру. 2009. 25 мая (<http://slon.ru/articles/35786/>).

Само выступление А. Бастрыкина (далеко не единственный, но показательный пример) см: Выступление Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации Бастрыкина А.И. на межведомственном совещании по вопросам противодействия преступности мигрантов и совершенствования форм и методов миграционной политики // Сайт Следственного комитета РФ. 2009. 21 мая (<http://www.sledcom.ru/actual/4637>).

[24] Яркий пример в ряду многих: Речкалов Вадим. Пока я добрый // Московский комсомолец. 2011. 4 августа.

[25] Сравнительно подробно они описаны в: Кожевникова Галина, Верховский Александр. Призрак Манежной площади: радикальный национализм в России и противодействие ему в 2010 году // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2010 году. М.: Центр «Сова», 2011. С.24-29.

[26] Подробнее об этом я писал в: Верховский А. Эволюция постсоветского движения русских националистов...

[27] Первоначальные сообщения в ЖЖ: Звери заблудились // Живой журнал Е. Маленкина. 2011. 4 июля (<http://malenkin.livejournal.com/190699.html>); Съездили // Живой журнал Е. Ройзмана. 2011. 4 июля (<http://roizman.livejournal.com/1197298.html>).

[28] См., например, в том же Докладе Политеха.

[29] Соколов-Митрич Дмитрий. Манежное правосудие // Комсомольская правда. 2010. 13 декабря.

[30] См. Рекомендации совещания представителей синодального Отдела по взаимоотношениям Церкви и общества и молодежных общественных объединений // Интерфакс-религия. 2011. 20 января (<http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=1077>).

[31] «Протест на Манежной – это крик боли и отчаяния», – заявил протоиерей Андрей Кураев // Православие.ру. 2010. 13 декабря (<http://www.pravoslavie.ru/news/43453.htm>).

[32] Кожевникова Галина. Язык вражды и выборы: федеральный и региональный уровни. По материалам мониторинга осени-зимы 2007–2008 годов. М.: Центр «Сова», 2008. С. 56-70.

[33] Рубин Михаил. "Правое дело" начинает эксперименты с национализмом // Известия. 2011. 2 августа.

[34] Почти дословная расшифровка беседы в прямом эфире с участием Бориса Надеждина и автора статьи см: Идеологические дискуссии в рядах партии "Правое дело" // Радио Свобода. 2011. 4 августа (<http://www.svobodanews.ru/articleprintview/24287042.html>).

[35] Основные идеи «Демократического выбора» в сфере миграционной политики и политики в области межэтнических отношений // Демократический выбор. 2011. 17 марта (<http://demvbybor.ru/documents/DV-migration.pdf>).

[36] Группа местных экологов сумела превратить свою борьбу с прокладыванием автострады через подмосковный лес в символ противостояния «простых людей» и срастающегося с бизнесом чиновничества. Ультраправые группы, стремящиеся к демаргинализации и обращающиеся для этого к любым популярным темам, не могли пройти мимо Химкинского леса. См. отчет одной из таких групп о поездке в Химкинский лес: Правая Лига на защите Химкинского леса // Сайт Правой лиги. 2011. 15 мая (<http://pravliga.com/2010-09-06-16-25-32/689-2011-05-15-21-11-06>).

[37] О Калашникове существует отдельное исследование: Мороз Евгений. Поднявший свастику. Имперский проект Владимира Кучеренко // Центр «Сова». 2003. Ноябрь (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2003/11/d1267/>; <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2003/11/d1266/>; <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2003/11/d1265/>).

Современная самопрезентация Калашникова: Калашников Максим. Экономическо-организационная база «Киевской Руси-2», важнейшие вопросы – без ответов! // Большой Форум. 2008. 10 ноября (<http://bolshoyforum.org/forum/index.php?page=29>); Он же. Тоталитаризм – mon amour // Живой журнал М. Калашникова. 2009. 24 ноября (<http://m-kalashnikov.livejournal.com/239415.html>); Он же. Тезисы к будущему-6 // Там же. 2009. 7 ноября (<http://m-kalashnikov.livejournal.com/225820.html>).

[38] В том же выступлении содержится примечательная версия событий на Манежной площади. Во-первых, они не просто объективно спровоцированы, а сознательно организованы «правящей бюрократией». Во-вторых, участники митинга на Манежной якобы не скандировали агрессивных лозунгов, хотя наиболее популярными, судя по всем видеороликам, были – «Ебать Кавказ, ебать!» и «За это убийство ответят ваши дети!», а исключительно выступали за справедливое правоприменение, как максимум провозглашали «Хватит убивать русских». См.: В России идет пока холодная этническая война. Полный текст выступления директора Института проблем глобализации М.Г. Делягина на XI

саммите российско-немецкого Петербургского диалога (Ганновер, Германия) // Сайт М. Делягина. 2011. 19 июля (<http://delyagin.ru/articles/18595.html>).

[39] Поддержка, выявляемая в социологических опросах, конечно, весьма условна. Но и вовсе игнорировать ее нельзя. По данным Левада-центра, 22% полностью или частично поддержали выступления 11 и 16 декабря: Вы лично поддерживаете подобные выступления или осуждаете их? // Левада-центр. 2010. Декабрь (<http://www.levada.ru/archive/mezhetnicheskie-otnosheniya/vy-lichno-podderzhivaete-podobnyye-vystupleniya-ili-osuzhdaete-ik>).

[40] Стенографический отчет о совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике // Сайт Президента России. 2010. 27 декабря (<http://kremlin.ru/transcripts/9913>).

[41] Известный перекоп в российском политическом языке, связанный с использованием слова «национальный» в значении «этнический», Путину присущ в полной мере, хотя и не ему одному, конечно, из политиков и чиновников. Слово «этнический» все же иногда им используется – именно как полный синоним слова «национальный». Это явно не рефлексировано: однажды премьер-министр использовал даже словосочетание «национальный этнический» как такой же синоним. Слово «гражданский» Путин не использует в словосочетании «гражданская нация». В текстах, относящихся к теме доклада, встречается разве что словосочетание «гражданский мир» или, чаще, «гражданский и межнациональный мир» (иногда еще и «межконфессиональный»).

[42] Председатель Правительства Российской Федерации В.В.Путин принял участие в межрегиональной конференции партии «Единая Россия» на тему «Стратегия социально-экономического развития Северного Кавказа до 2020 года. Программа на 2010-2012 годы» // Сайт Премьер-министра. 2010. 6 июля (<http://premier.gov.ru/visits/ru/11295/events/11301/>).

[43] Председатель Правительства Российской Федерации В.В.Путин выступил на VII съезде Федерации независимых профсоюзов России // Там же. 2011. 12 января (<http://premier.gov.ru/events/news/13844/>).

[44] Председатель Правительства Российской Федерации В.В.Путин принял участие в VI съезде Всероссийского педагогического собрания // Там же. 2011. 31 мая (<http://premier.gov.ru/events/news/15422/>).

[45] Председатель Правительства Российской Федерации В.В.Путин встретился с представителями конфессий и национально-культурных общественных организаций // Там же. 2011. 19 июля (<http://premier.gov.ru/events/news/15972/>).

[46] Путин на Кавказе снова заговорил о том, что приезжие должны уважать традиции местных жителей // Там же. 2011. 03 августа (http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/08/03/n_1951405.shtml).

[47] В прямом эфире телеканалов «Россия», «Россия 24», радиостанций «Маяк», «Вести FM» и «Радио России» вышла специальная программа «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение» // Там же. 2011. 16 декабря (<http://premier.gov.ru/events/news/13427/>).

[48] Стенографический отчет о совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике // Сайт Президента. 2010. 27 декабря (<http://kremlin.ru/transcripts/9913>).

[49] Подтверждения этому я приводил в статье, которая выйдет в ближайшее время: Верховский А. Национализм руководства Русской православной церкви в первом десятилетии XXI в. // Православная церковь при новом патриархе. М.: Центр Карнеги, РОССПЭН, 2012. С. 141-169.

[50] Встреча с руководством Федерального Собрания // Сайт Президента. 2011. 17 января (<http://kremlin.ru/news/10087#sel=35:58,35:58>).

[51] Заседание президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия // Сайт Президента РФ. 2011. 11 февраля (<http://news.kremlin.ru/news/10312/print>).

[52] Или, по крайней мере, при его доминирующем участии. Можно предположить особую роль в подготовке этого доклада директора Департамента межнациональных отношений Александра Журавского.

Текст доклада доступен на сайте министерства: Доклад Государственного Совета Российской Федерации. О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе // Сайт Министерства регионального развития. 2011. 29 марта (http://www.minregion.ru/activities/interethnic_relations/national_policy/505/902.html).

[53] Паин Эмиль. Россия между империей и нацией // Pro et Contra. 2007. № 3; Шнирельман Виктор. Время цивилизации: цивилизационный подход как национальная идея // Российская модернизация: размышления о самобытности. М.: Три квадрата, 2008. С. 198-232; Паин Э., Верховский А. Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия. М.: Три

квадрата, 2010. С. 171-210.

[54] Согласно диаграммам, приведенным на стр. 18 доклада, этнические различия весьма значимыми считали в 2005 году – 38%, в 2007 – 28%, в 2010 – 24%, а малозначимыми, соответственно, – 25%, 31% и 32 % (остальные считают их умеренно значимыми или, что редко, затрудняются ответить). Для религиозных различий те же ряды такие: 26, 22, 18 % и 36, 38, 40%.

[55] Здесь и далее цитируется по: Заседание президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия // Сайт Президента РФ. 2011. 11 февраля (<http://news.kremlin.ru/news/10312/print>).

[56] Проблемы обеспечения межэтнического согласия в России. Материалы Круглого стола Научного совета по проблемам национальной политики Отделения общественных наук РАН в Институте социологии РАН (14 марта 2011 г.) // Сайт Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека (www.president-sovet.ru/structure/consolidation_group/materials/actual_problems.doc).

Особенно следует отметить первые два выступления – Леокадии Дробижевой и Виктора Шнирельмана.

[57] Как известно, законопроекты такого рода неоднократно готовились русскими националистами в парламенте, но никогда не имели шансов на принятие.

[58] Там же.

[59] Святенков Павел. Двойной Бурбон // Русский обозреватель. 2011. 13 февраля (<http://www.rus-obr.ru/day-comment/9660>).

[60] Ремизов Михаил. Гражданская нация: русский запрос на сегодня // АПН.ру. 2011. 2 февраля (<http://www.apn.ru/publications/article23602.htm>).

[61] Виноградов Борис, Савельев Андрей. Мультикультурализм не пройдет // АПН. 2011. 16 февраля (<http://www.apn.ru/publications/article23654.htm>).

[62] Шнирельман Виктор. Расология в действии: мечты депутата Савельева // Верхи и низы русского национализма. М.: Центр «Сова», 2007. С.162-187.

[63] См., например, его краткий обзор этно-националистических взглядов (он их называет национал-демократическими) в сравнении с «имперскими» и «либеральными»: Между Сциллой и Харибдой. Национал-демократия в её отношениях к имперству и либерализму // Живой журнал К. Крылова. 2011. 13 июля (<http://krylov.livejournal.com/2278881.html>).

<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2012/05/d24493/>